

Штейнфельд Николай Павлович

**Русское дело в
Маньчжурии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Павлович Ш.**
Русское дело в Маньчжурии / Штейнфельд Николай Павлович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 215 с.

ISBN 978-5-521-31652-6

ISBN 978-5-521-31652-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нуждалась въ завоеваніяхъ на Дальнемъ Востоѣ. У нея, не находившей ни средствъ, ни силъ, ни людей для того, чтобы культивировать свои собственныя владѣнія на берегахъ Тихаго океана; не знавшей даже,—что ей съ ними дѣлать, о чемъ свидѣлствуютъ краснорѣчивые факты (заброшенность Камчатки; продажа Аляски; поочередное то вооруженіе, то разоруженіе Николаевска; водвореніе на Сахалинѣ каторги, что вызывало расхода казны на каждаго арестанта до 1500 руб. въ годъ и т. д.) логически не могло быть иныхъ видовъ на Маньчжурію, исключая стремленія жить съ нею въ ладу съ того момента, когда она стала благодаря казацкой удали порубежной страной и съ нею завелась у русскихъ торговля.

Если подвиги казака Дежнева и капитана Невельскаго или амурское предпріятіе Муравьева илліяютъ воображеніе и пріятно щекочутъ національное самолюбіе, то практическая надобность въ нихъ остается подъ большимъ сомнѣніемъ за видимою непосильностью для Россіи учесть ихъ результаты, несмотря на огромныя жертвы, вынужденно приносившіяся государствомъ во имя этой красивой идеи. За то, съ другой стороны, въ силу краснорѣчивыхъ же фактовъ (событія въ Маньчжурію русскихъ товаровъ на сумму до 20 мил. руб. въ годъ; обезпеченіе Владивостокскому порту работы по отпуску грузовъ за море исключительно за счетъ маньчжурскихъ продуктовъ; итаніе Пріамурья хлѣбомъ и скотомъ изъ Маньчжуріи; снабженіе его оттуда же рабочею силою и т. д.) невозможно отрицать существованія у Россіи въ наши дни весьма важныхъ экономическихъ интересовъ въ странѣ, сложившихся вполне естественно.

Именно отсутствіемъ политическихъ интересовъ и наличностью экономическихъ надо объяснить,—почему на глазахъ нашихъ современниковъ исторія такъ властно поставила каждыя изъ нихъ на свое мѣсто. Политическіе замыслы, случайно припутавшіеся къ торговымъ интересамъ, постигнуто крушеніе. А въ то же самое время наблюдается осязательное торжество экономического вліянія Россіи въ Маньчжуріи, тѣмъ болѣе цѣнное, что вышатательство политическихъ интересовъ чрезвычайно скомпрометировало русскую торговлю въ краѣ и могло воспрепятствовать ея успѣхамъ. На дѣлѣ же мы видимъ, напротивъ, начало развитія

ей. Освѣщенію экономическихъ задачъ Россіи въ Маньчжуріи составляетъ главную тему настоящаго труда. Что же касается вопросовъ агрессивной дальневосточной политики, то въ соответствии съ ихъ второстепенною, приходящею и случайною ролью, имъ уделено вниманіе лишь постольку, поскольку это необходимо для хронологіи событій и поскольку названные замыслы мѣшали осуществленію мирныхъ задачъ русскаго дѣла въ Маньчжуріи.

ГЛАВА I.

Для установленія точной даты появленія перваго русскаго челоѣка въ Маньчжуріи (въ ея современныхъ государственныхъ границахъ) не имѣется провѣренныхъ историческихъ свѣдѣній. Можно объ этомъ лишь высказать предположенія на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Первое донесеніе сибирскихъ казаковъ о Китаѣ, составленное ими, впрочемъ, по звочнымъ даннымъ, добытымъ въ Забайкальѣ, относится къ 1616 году. Китайскіе историки отмѣчаютъ подъ 1641 годомъ передвиженіе нѣкоторыхъ туземныхъ племенъ съ побережья Амура на рѣку Нонни будто бы изъ страха передъ русскими. Въ 1654 году были основаны въ восточной части Забайкалья городъ Нерчинскъ, слѣдовательно къ этому времени русскіе уже считали своимъ все Забайкалье, а оно непосредственно прилегаетъ къ Маньчжуріи. Около того же времени казаки Степановъ и др. поднимались въ лодкахъ изъ Амура вверхъ по Сунгари (рѣка „Шингалъ“ въ ихъ транскрипціи), т. е. проникли въ Маньчжурію не съ сѣверо-запада, а съ сѣверо-востока, за тысячу с лишкомъ верстъ отъ Нерчинска. Въ ближайшихъ къ Забайкалью мѣстностяхъ Маньчжуріи русскіе очевидно могли побывать гораздо раньше. Такимъ образомъ вѣроятною датой первоначальнаго знакомства русскихъ съ этою страной можно считать первую половину XVII вѣка, но не раньше 1620-хъ годовъ.

Наши предки, однако, едва ли могли близко ознакомиться съ Маньчжуріей, пока не существовало русской базы въ лицѣ Нерчинска, откуда стало удобно проникать въ Маньчжурію сплавомъ по Шингѣ и Амуру. Но и при этихъ условіяхъ они въ глубь страны понижшему не удлились, такъ какъ обосновались не на правомъ (донный китайскомъ), а на лѣвомъ берегу Амура, гдѣ и были построены первыя

въ этой области острогъ, Албазинскій. Хотя находка ориенталистомъ Н. А. Добролювскимъ урочища въ 10 вер. на западъ отъ Циррикара, которое своимъ именемъ („русскій холмъ“) намекаетъ на проживание тамъ нѣкогда нашихъ соотечественниковъ, а также китайскіе литературные источники, отмѣчающіе переселеніе въ XVII вѣкѣ одного туземнаго племени съ р. Аргуни на р. Нонинъ изъ страха передъ русскими,—говорятъ противное, но больше не имѣется никакихъ свѣдѣтельствъ въ пользу пребыванія русскихъ внутри Маньчжуріи. Оно если и было, то повидимому лишь временное и случайное. На лѣвомъ же берегу Амура русскіе задумали прочно основаться. Сравнительною близостью разстоянія отъ Нерчинска и удобствомъ сообщенія—лѣтомъ въ лодкахъ, а зимой по льду на саняхъ,—что придавало Нерчинску значеніе важнаго опорнаго пункта для движенія русскихъ на Амуръ, надо объяснять весьма быстрый по тѣмъ временамъ ростъ Албазина, гдѣ къ 1687 году оказалось уже свыше 700 казаковъ съ семьями, и превращеніе его въ государственную пограничную крѣпость съ воеводою во главѣ.

Завоевательные инстинкты казаковъ, угрожавшіе независимости туземцевъ, подвластныхъ Кигало, и суровые пріемы ихъ обращенія съ покоряемыми племенами, угрожавшіе жизни и достоянію послѣднихъ, обезпокоили китайское правительство. Маньчжурская династія воцарилась въ Пекинѣ всего за полвѣка до этого. Связь съ далекою родиною въ правящихъ кругахъ имперіи была несомнѣнно еще очень сильна и все, касавшееся Маньчжуріи, принималось близко къ сердцу. Поэтому рѣшили прогнать русскихъ съ Амура. По указу Императора (1683 года) были посланы войска. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ китайцы вытѣснили казаковъ. Для обезпеченія успѣха борьбы на правомъ берегу Амура была создана военная база (такъ китайцы объясняютъ происхожденіе города Айгуня) для наступленія оттуда на Албазинъ. Въ Айгунѣ китайцы стянули значительную вооруженную силу, заготовили воинскіе припасы и приступили къ осадѣ русскаго укрѣпленія. Осада длилась цѣлый годъ. Китайцамъ удалось наконецъ отрѣзать сообщеніе Албазина съ Нерчинскомъ и лишить оборонявшихся подвоза провіанта и воинскихъ припасовъ, что и привело къ паденію

крѣпости (1687 г.) Алабаинъ уничтожили. Попавшихъ въ плѣнь и ихъ семьи китайцы увели въ Пекинъ, но тамъ отпустили на свободу, назначивъ особый кварталъ подъ русскую колонію. Окитавшіеся потомки албаинцевъ вплоть до нашихъ дней составляютъ особую касту въ столицѣ Китайской имперіи.

Участь первой русской колоніи на Амурѣ не разрѣшилась, однако, пограничнаго спора между Россіей и Китаемъ. Забайкалье постепенно заселялось русскими и сношенія съ населеніемъ соседней Маньчжуріи являлись необходимою для обѣихъ сторонъ. Поэтому, китайское правительство не отвергло предложеннаго ему Москвою соглашенія. Представители обѣихъ державъ (съ русской стороны столыпинъ Федоръ Головинъ) съѣхались въ Нерчинскъ, гдѣ и былъ заключенъ 27 августа 1689 года первый договоръ между Россіей и Китаемъ о добрососѣдскихъ отношеніяхъ и объ установленіи границы между Маньчжуріей и Забайкальемъ. Границею назначено быть рѣкамъ Горбицы (лѣвый притокъ Шилки) и Аргуня, остальная же страна раздѣлена такъ: всѣмъ мѣстностямъ, расположеннымъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Амуръ съ юга, быть подъ властью Китая, а съ сѣвера—Россіи.

Но этотъ признакъ въ сущности ничего не выражалъ. Во-первыхъ, русскія владѣнія на востокъ кончались согласно договору, линіею отъ рѣчки Горбицы до берега Аргуня, слѣдовательно верховье Амура, гдѣ слияются Шилка съ Аргунью, оставалось во владѣніи Китая, а потому никакихъ приговоровъ Амура въ русскихъ предѣлахъ не оказывалось. Во-вторыхъ, ни съѣхавшіеся въ Нерчинскъ послы, ни ихъ правительства не знали, повидимому, твердо географіи сѣверо-восточной Азіи; поэтому, разрѣшивъ пограничный вопросъ по отношенію лишь къ ближайшему весьма небольшому району, который ихъ непосредственно интересовалъ, послы обоимъ составились на недостатокъ яко-бы полномочій и отложили разграниченіе всѣхъ прочихъ земель „до иного благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обонхъ сторонъ послы Царское Величество изволитъ и Богдучапово Высочество похочеть“ и т. д., чтобы „тыя неограниченныя земли успокоили и разграничили“. Но это „благополучное время“ наступило лишь спустя 169 лѣтъ, потому что

Россія заинтересовалась ближайшими къ западу пограничными мѣстностями Китая и все позднѣйшіе трактаты были посвящены Монголіи, а не Маньчжуріи. Лишь въ Буринскомъ трактатѣ, заключенномъ 20 августа 1727 года, несколько упомянуто объ Аргуніи, какъ границѣ между Россіей и Китаемъ. Но подписавшій этотъ трактатъ русскій уполномоченный графъ С. В. Рагузинскій явился основателемъ Кяхты, изъ чего видно, что его гораздо больше привлекала и интересовала Монголія. Въ дальнѣйшихъ международныхъ актахъ про Маньчжурію даже вовсе перестали поминать. И дѣйствительно, съ изгнаніемъ казакомъ изъ Албазина (по Нерчинскому договору Россія обязалась очистить отъ казаковъ Амуръ, куда они вскорѣ послѣ разгрома Албазина опять пробрались, наша мѣшная торговля слагалась такъ, что русскіе стали гораздо тѣснѣе обижаться съ монголами, чѣмъ съ обитателями Маньчжуріи. Къ этому побуждало, во-первыхъ, болѣе мирное настроеніе монголовъ по сравненію съ китайцами, давшимъ русскимъ урокъ въ Албазинѣ. А во-вторыхъ, экономическія условія болѣе благоприятствовали развитію торговли съ Монголіей, чѣмъ съ Маньчжуріей. Черезъ первую изъ нихъ пролегалъ кратчайшій путь въглубь Китая. Далѣе, колонизація Сибири шла съ запада на востокъ; естественно, что ко времени описываемыхъ событій западная часть Забайкалья была гуще заселена русскими, чѣмъ восточная. Бассейнъ р. Селенги лежитъ при томъ же значительно южнѣе долины р. Шилки и климатъ тамъ гораздо мягче. Селенгинскій уѣздъ и до сихъ поръ самый населенный въ Забайкальѣ. Поэтому имѣло тамъ раньше и шире развитіе мѣшовой торговли съ монголами. Заселеніе Забайкалья происходило по слѣдующей схемѣ. Казаки покоряли туземцевъ, строили остроги, а вокругъ и подъ защитою остроговъ частью сами казаки, частью же слѣдовавшіе за ними крестьяне приступали къ земледѣлію. Правительство прилагало всяческія старанія, чтобы побудить русскихъ колонистовъ къ земледѣльческому труду. „А земли бы имъ всемъ дать, чтобъ впредь всякій бѣдѣ хлѣбонашецъ, и хлѣба бы изъ Россіи не возить“, — писалъ въ своихъ указахъ сибирскимъ военнымъ первымъ Царь изъ дома Романовыхъ. Къ концу XVII вѣка начался успешный наплывъ въ Сибирь старообрядцевъ подъ вліяніемъ сильныхъ религіозныхъ преслѣдованій. Они явились едва ли не нап-

болѣе энергичными колонистами. Несмотря на учрежденіе заставъ, расколытники массами бѣжали и оселились въ Сибирь и заводили тамъ земледѣльческіе поселки. Плодородіе Забайкалья обезпечивало превосходные урожаи. Такъ, въ 1755—56 гг. въ Нерчинскомъ округѣ съ посѣва 1 мѣры собиралось до 32 мѣръ, а урожаи въ 20—25 мѣръ бывали постоянно. Цѣны на хлѣбъ стояли слѣдующія: рожь—4 к. за пудъ, пшеница—7 к., овесъ—20 к. за четверть. Пашни и покосы часто устранились, не считаясь съ государственною границею Россіи съ Китаемъ. То и дѣло русскіе переселенцы забирались въ Монголію. Деревни Борохудицуръ платили потомъ даже дань Китаю. Русскіи займки и хутора въ Монголіи обнаруживались случайно въ еще XIX-мъ вѣкѣ. Соедѣнье иначе сложившихся отношеній русскихъ съ соседнею Маньчжуріею. Изъ аборигентовъ этой страны лишь ороочоны, жившіе по Аргунн, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ забайкальцами. Маньчжуры же появлялись лишь разъ въ годъ, поднимаясь для этого на своихъ джонкахъ изъ Айгуна по Амуру до русскихъ селеній. Пріѣзжали купцы съ китайскими товарами въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ, посылавшихся для наблюденій за верховьями Амура. Временный характеръ такихъ нарядовъ придавалъ торговлѣ типъ ярмарочной. Послѣ разгрома Албазина русскихъ деревень на лѣвомъ берегу Амура не возникало. Пустынностью отличался и правый берегъ. Поэтому для торговли съ русскими маньчжурамъ приходилось спеціально ѣздить до Забайкалья. Свѣдѣній о томъ что русскіе ѣздили въ свою очередь въ Айгунъ съ тою же цѣлью, не сохранилось. На встрѣчу айгунскимъ китайскимъ купцамъ на ярмарку въ Старо-Цурухайту и въ др. села выѣзжали русскіе купцы изъ Нерчинска. Торговля велась исключительно мѣновая. По тѣмъ временамъ считалось, что ярмарка дѣлала блестящіе обороты. Но на современный масштабъ русско-маньчжурскаго торговаго вѣдья до занятія русскими Амура (середина XIX вѣка) не могла имѣть, конечно, сколько нибудь серьезнаго значенія и представляетъ собою интересъ, лишь какъ историческій памятникъ. При томъ же она велась исключительно въ пограничной полосѣ, а не въ самой Маньчжуріи. Поэтому черезъ посредство торговыхъ сношеній русскіе получали весьма скудные свѣдѣнія объ этой странѣ. Наши посольства

блдили въ Пекинъ и обратно черезъ Монголію, такъ что и официальные представители Россіи, посѣщавшіе Китай, по имѣли случаевъ изучать Маньчжурію. Такъ продолжалось до середины XIX вѣка, когда произошли событія, совершенно измѣнившія отношеніе Россіи къ Дальнему Востоку.

Открытіе устьевъ Амура съ географическими цѣлями капитаномъ Г. И. Невельскимъ и увлеченіе Амуромъ съ политическими цѣлями со стороны его современника, генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, породили проектъ использовать этотъ важный водный путь для необходимой связи нашихъ тихоокеанскихъ владѣній съ метрополіей. Принадлежавшіе еще раньше Россіи Камчатка, Аляска, побережье Охотскаго моря и группы острововъ сообщались съ метрополіей или сухопутно черезъ Якутскъ, или же такъ называемымъ кругосвѣтнымъ—мимо мыса Доброй Надежды на южной оконечности Африки и вокругъ береговъ Азіи—путемъ, потому что Суэцкій каналъ открылся лишь въ 1869 году. Такимъ образомъ, наши дальневосточные окраины были почти отрѣзаны отъ Россіи. На административныя и торговыя сношенія съ ними уходили цѣлые годы и это стоило немовѣрно дорого. Муравьеву для запитія Амура пришлось одолжить сильное противодѣйствіе петербургскихъ чиновныхъ сферъ, главнымъ образомъ дипломатическаго вѣдомства, опасавшагося международныхъ осложненій изъ за Дальняго Востока. Много помощи успѣху Муравьева черпъ характера Императора Николая I, на котораго, напримѣръ, сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ Невельскаго, водрузившаго 1 августа 1850 года безъ всякаго на то полномочія русскій государственный флагъ на берегу открытаго имъ Татарскаго пролива (до Невельскаго Сахалинъ считался полуостровомъ) при устьѣ Амура. Резолюція Николая I на его рапортѣ объ этомъ, гласившая, что „гдѣ разъ поднять русскій флагъ, тамъ онъ никогда не долженъ быть спущенъ,“—въ сущности уже тогда предприняла участь Амура въ духѣ предположеній Муравьева. Въ самомъ дѣлѣ, Россія давно уже владѣла длинною береговою полосой Тихаго океана. Лишній пунктъ владѣній не имѣлъ бы никакого значенія безъ использования воднаго пути по Амуру въглубъ страны. Поэтому Муравьеву было разрѣшено изслѣдовать Амуръ, а если удастся, то укрѣпиться тамъ и объявить мѣ-

побережную страну собственностью Россіи. При этомъ ставилось условіемъ не обнажать оружія противъ Китая и не дано было ни копѣйки денегъ. Тѣ военныя предосторожности, съ которыми Муравьевъ исподволь производилъ развѣдку на Амурѣ, служатъ яркимъ свидѣтельствомъ совершеннаго, даже въ эту эпоху, незнанія Маньчжуріи русскими.

Не встрѣчая, однако, не только сопротивленія, но даже не видя почти никакихъ признаковъ китайскаго владычества, Муравьевъ въ теченіе чотырехъ лѣтъ постепенно занялъ лѣвый берегъ Амура, основавъ тамъ города Благовѣщенскъ, Софійскъ, Маріинскъ и Николаевскъ и рядъ казачьихъ станицъ путемъ переселенія туда забайкальскихъ казаковъ, штрафованныхъ солдатъ, освобожденныхъ каторжниковъ и горнозаводскихъ рабочихъ изъ Нерчинскаго округа. Въ періодъ Севастопольской войны Россіи впервые представился случай громко заявить всему міру о своихъ новыхъ владѣніяхъ. Прибывшая для крейсерства въ Татарскій проливъ англо-французская эскадра была обстрѣлена русскою батареею въ заливѣ де-Кастри. Почувствовавъ себя достаточно сильнымъ, Муравьевъ весной 1858 года явился въ г. Айгунъ для заключенія съ представителями китайскаго правительства договора. Будучи подписанъ 16-го мая того года, онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Айгунскаго трактата и глаголетъ слѣдующее:

Ст. 1. Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргунн до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ р. Уссури далѣе до моря находящіеся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ Амуру, Сунгарю и Уссури могутъ плавать только суда Дайцинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся по лѣвому берегу р. Амура отъ р. Зеи на югъ, до деревни Хормолдинъ, маньчжурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ вѣдѣніемъ Маньчжурскаго правительства.

съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидѣ и притѣвленій изъ не дѣлали.

Ст. 2. Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по рѣкамъ Уссури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, а участвующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

Ст. 3. Что уполномоченный Россійскаго государства генералъ-губернаторъ Муравьевъ и уполномоченный Дайцинскаго государства Амурскій главнокомандующій II-Шань, по общему согласію, постановили—да будетъ исполняемо въ точности и ненарушимо на вѣчныя времена.

Но дѣло этимъ не ограничилось.

Въ тѣ самые дни, когда въ Маньчжуріи писали Айгунскій трактатъ, въ Тяньцзинѣ сочинялся другой договоръ между Россіей и Китаемъ, подписанный 1 іюня того же года съ нашей стороны адм. графомъ Путитинымъ. Вотъ нѣкоторыя его статьи, имѣющія связь съ темою настоящей книги:

Ст. 3. Торговля Россіи съ Китаемъ отнынѣ можетъ производиться не только сухимъ путемъ въ прежнихъ пограничныхъ мѣстахъ, но и моремъ. Русскія купеческія суда могутъ приходить для торговли въ слѣдующіе порты: Шанхай, Нинбо, Фуджоу, Сямань, Кантонъ, Тайвань на островѣ Формозѣ, Цюнчжоу на островѣ Хайнанѣ, и въ другія открытыя мѣста для иностранной торговли.

Ст. 4. Въ торговлѣ сухопутной впродъ не должно быть никакихъ ограниченій относительно числа лицъ, въ ней участвующихъ, количества привозимыхъ товаровъ, или употребляемаго капитала. Въ торговлѣ морею и во всѣхъ подробностяхъ ея производствъ, какъ-то: представленіи объявленій о привезенныхъ товарахъ, уплатѣ якорныхъ денегъ, пошлинъ по дѣйствующему тарифу и т. п., русскія купеческія суда будутъ сообразоваться съ общими постановленіями объ иностранной торговлѣ въ портахъ Китая. За контрабандную торговлю русскіе подвергаются конфискаціи съезженныхъ товаровъ.

Ст. 5. Во всѣ означенные порты Россійское правительство имѣетъ право, по своему желанію, назначать консуловъ. Для наблюденія за порядкомъ со стороны русскихъ поддан-